

Наталья Володина
Череповец (Россия)

А. И. Герцен о католичестве: мемуарный и художественный дискурсы

А. И. Герцен – фигура, занимающая особое место в русской культуре. Философ, публицист, писатель, автор мемуарных текстов – он оказался на пересеченье внимания и интересов разных направлений общественной мысли, науки, художественного творчества. Его авторитет (независимо от согласия или полемики с ним) для русской интеллигенции XIX века был безусловным; поэтому ответ герценовских идей (или прямое обращение к ним) буквально пронизывает русскую культуру этого периода. Вопрос «Кто виноват?» и философия «Былое и думы», сопрягающая экзистенциальное и мыслительное бытие человека, вошли в концептуальное поле русской литературы и стали частью национальной ментальности. Все это оправдывает необходимость новых обращений к творчеству Герцена, в том числе, – наименее изученным его аспектам. Одной из таких малоисследованных проблем представляется религиозная позиция Герцена, так или иначе высказанная, обозначенная в его научном, публицистическом и художественном творчестве и органически связанная с его философскими, историческими, эстетическими идеями.

В академической науке советского периода отношение Герцена к религии было определено однозначно. Сошлемся в качестве примера на положение из научного комментария к циклу статей Герцена *Дилетантизм в науке* в 30-томном академическом собрании его сочинений: «Ко времени создания *Дилетантизма в науке* (1842–1843 гг. – Н. В.) Герцен окончательно утвердился на атеистических позициях»¹. Естественно, что этот факт оценивался как свидетельство социально-политической и философской зрелости Герцена. Однако относительно религиозной позиции Герцена была высказана

---

¹ А.И. Герцен, *Долг прежде всего*, [в:] А.И. Герцен, *Полное собрание сочинений*: в 30 т., Москва 1955, т. 6, с. 420.

и другая точка зрения, принадлежащая русским ученым, оказавшимся в эмиграции: В. В. Зеньковским, Г. П. Флоровским, Н. А. Бердяевым, С. Н. Булгаковым, хотя абсолютного единодушия между ними здесь не было. Так, С. Н. Булгаков считал, что Герцен « всю свою сознательную жизнь был и остался до конца атеистом »². Правда, Булгаков видел в этом не силу Герцена, а истоки его душевной драмы. В. В. Зеньковский, анализируя духовные искания Герцена, показывая их сложность и противоречивость, тем не менее, приходит к выводу, что « решающие основы его позднейшего мировоззрения до конца определялись христианскими идеями »³. О последовательном атеизме Герцена, действительно, вряд ли можно говорить, хотя он знал моменты сомнения и религиозного скепсиса, подчас граничащего с атеизмом. Принципиально важным представляется следующее обстоятельство. Независимо от его личных религиозных убеждений, духовные искания Герцена и все составляющие его творческой деятельности: изучение естественных наук, занятия философией, работа над мемуарами и т.д. – всегда включали в себя момент религиозной рефлексии. Неслучайно одной из центральных тем его публицистического, мемуарного, художественного дискурсов является христианская тема. Подчеркнем, что это именно тема, а не авторский угол зрения или его внутреннее отношение к миру. Ее содержание включает в себя множество аспектов, идей, смыслов, в зависимости от того, в каком контексте эти идеи и смыслы возникают. Остановимся на одной проблеме этого комплекса идей – проблеме католицизма. Она не занимает центрального места в рассуждениях Герцена о религии, но учитывается им, входит как составляющая в концептуальное поле его идей. Наиболее развернутые суждения о католицизме, высказанные от авторского лица, появляются в публицистическом и научном творчестве Герцена, а также в его дневниках. В меньшей мере они присутствуют в художественном творчестве писателя и мемуарах *Былое и думы*, что не отменяет их значения для понимания исследуемой проблемы.

Тема католицизма возникает в неоконченном художественном произведении Герцена – повести *Долг прежде всего* (1847, 1851). Герцен написал только первые пять глав, которые рассказывают о роде Столыгиных и являются своего рода предысторией главного героя – Анатоля Столыгина. Остальной текст повести представляет собой конспективный авторский пересказ ее содержания, изложенный

² С.Н. Булгаков, *Душевная драма Герцена*, Киев 1905, с. 5.

³ В.В. Зеньковский, *История русской философии: в 2 т.*, Ленинград 1991, т. 1, ч. 2, с. 79.

в развернутом письме Герцена к немецкому переводчику и издателю Вильгельму Вольфзону.

Несмотря на незавершенность повести, характер ее главного героя обрисован достаточно полно и психологически достоверно. Отчасти он напоминает Владимира Бельтова из романа Герцена *Кто виноват?*: духовными поисками и стремлением к идеалу, неприятием социальной несправедливости и пошлости, неудовлетворенностью собой, скептицизмом. Иначе говоря, Анатолий Столыгин близок типу «лишнего человека», сформированному эпохой 1830-х годов и опозитизированному русской литературой. Однако, в отличие от Бельтова, это человек долга. Драматизм его судьбы во многом связан с тем, что выполняемый им долг противоречит его чувствам; и он в большей или меньшей мере совершает насилие над собой. Сначала Анатолий выполняет долг сына по отношению к отцу, жестокость и безнравственность которого, казалось бы, могли освободить Анатолия от обязательств перед ним. Он женится из жалости на девушке, чувство к которой было лишь юношеской привязанностью. Выполнение долга распространяется не только на сферу его личной жизни. Оказавшись на военной службе, Анатолий принимает участие в войне с Польшей, хотя это противоречит его убеждениям и голосу совести. «Долг военного, - поясняет Герцен, - не мог поколебать в нем человеческое сердце»⁴. Однако именно война с Польшей, как пишет автор, «разбудила его». Он уходит в отставку, уезжает в Европу с намерением никогда больше не возвращаться в Россию. Знаменательным событием его жизни оказывается встреча, а затем дружба со старым ксендзом, монахом, жившим в одном бельгийском монастыре. Его глубокая вера и в то же время предельная деликатность в разговоре о религии, образованность и сердечность на какое-то время ослабляют скептицизм Анатолия и ведут его к религии, причем, он переходит в католическую веру; более того, становится монахом католического монастыря. Однако, абсолютно подчинившись внешне монастырской жизни, Анатолий и здесь вскоре чувствует себя глубоко несчастным, ибо он «с ужасом стал ощущать еще томительнейшую пустоту, нежели прежде»⁵. В своем лаконичном повествовании Герцен стремится сохранить элементы психологического анализа, постоянно комментируя, объясняя душевное состояние героя. Сам он занимает при этом достаточно отстраненную позицию (манера повествования, избранная им в романе *Кто виноват?*), сохраняет взгляд на героя «со

⁴ А.И. Герцен, *Долг прежде всего*, [в:] А.И. Герцен, *Полное...*, с. 420.

⁵ Там же, с. 430.

стороны». В то же время путь духовных исканий Анатоля понятен, объясним для его автора, хотя сам он избрал в Европе другой путь. Судьба Анатоля для Герцена – это один из вариантов судьбы образованного, порядочного человека, который не может смириться с типиками российской жизни, но не чувствует себя своим и на Западе. Религия, вероятно, оказывается для него именно тем «критерием истины», который он не может обрести ни дома – в варианте православия, ни на Западе, став католиком.

Исследователи творчества Герцена пришли к выводу, что возможным прототипом Анатоля Столыгина стал профессор московского университета В. Печерин, «вечный беженец, первый русский эмигрант по собственному выбору», – пишет У. Церняк, цитируя, в свою очередь, В. Сливовскую⁶. Уехав на Запад, Печерин принимает католичество, вступает в монашеский орден редemptористов; последние годы жизни служит капелланом в дублинских больницах. О несомненном интересе Герцена к личности этого человека свидетельствует его портрет, созданный в мемуарах *Былое и думы*, в главе *Pater V. Petcherin* (седьмая часть). Эта глава включает в себя несколько компонентов: описание встречи с Печериным в иезуитском монастыре; его портрет; разговор Герцена и Печерина, наконец, их короткую переписку. Небольшая предыстория Печерина, с которой начинает Герцен, дает возможность представить этого молодого профессора московского университета как европейски образованного (учился в Европе) и свободомыслящего человека. В мемуарном тексте безраздельно господствует художественный дискурс, причем, окрашенный авторской оценочностью, эмоциональностью и рефлексией. В описании портрета Печерина чувствуется сдержанно-скептическое отношение Герцена к тому типу и образу жизни, который избрал для себя бывший профессор московского университета:

Искусственный клерикальный покой, которым, особенно монахи, как сулемой, заморяют целые стороны сердца и ума, был уже и в его речи, и во всех движениях. Католический священник всегда сбивается на вдову: он так же в трауре и в одиночестве, он так же верен чему-то, чего нет, и утоляет настоящие страсти раздражением фантазии⁷.

Однако в разговоре, который Герцен здесь приводит (понятно, что память сохранила лишь его общий смысл), он озвучивает рели-

⁶ U. Cierniak, *Apologia pro vita mea Владимира Печерина – мемуары конвертита или «исповедь сына века»?*, «Studia Rossica» XXI, Warszawa 2012, с. 65.

⁷ А.И. Герцен, *Былое и думы*, [в:] А.И. Герцен, *Полное...*, с. 394.

гиозную позицию Печерина таким образом, что она выглядит как убедительный контраргумент его собственным словам. Это ответ на объяснения Герцена, почему он не привез свои публикации: решил, что общественно-социальные проблемы далеки от католического священника. «Мало вы знаете нашу терпимость и нашу любовь, - говорит Печерин, - мы можем скорбеть о заблуждении, молиться об исправлении, желать его и во всяком случае любить человека». Эта же мысль звучит и в подлинных документах, которые приводит Герцен, - письмах Печерина.

«Любовь католического священника, - пишет он, - обнимает все мнения и все партии. Когда ваши драгоценнейшие упования обманут вас, когда силы мира сего поднимутся на вас, вам еще останется верное убежище в сердце католического священника»⁸. Как продолжение его диалога со своим собеседником-оппонентом звучат и слова Печерина в письме Н. П. Огареву:

Но скажите, пожалуйста, неужели вы в самом деле думаете что католическая вера и гражданская свобода не совместимы. Неужели вы разделяете пошлый предрассудок, что католический священник необходимо должен быть абсолютистом и врагом свободы. Здесь по крайней мере, мы не разделяем этого мнения⁹.

В письмах Печерина возникает проблема, которая, безусловно, волновала самого Герцена (неслучайно он говорил о ней в повести *Долг прежде всего*) – проблема взаимоотношений веры, религии и науки, знания. Позиция Печерина высказана в третьем его письме Герцену. Речь идет о границах познания, доступных науке, и ее возможностях. Печерина пугает претензия науки на абсолютное знание, ее направленность на достижение «материальной цивилизации».

Для вас наука – все, альфа и омега, - пишет он, обращаясь к Герцену. - Не та обширная наука, которая обнимает все способности человека, видимое и невидимое, наука – так, как ее понимал мир до сих пор, но наука ограниченная, узкая, наука материальная, которая разбирает и рассекает вещество и ничего не знает, кроме его. Химия, механика, технология, пар, электричество, великая наука пить и есть, поклонение личности.... Если *эта* наука восторжествует, горе нам!¹⁰.

⁸ А.И. Герцен, *Былое и думы*, [в:] А.И. Герцен, *Полное...*, с. 396.

⁹ А. Изюмов, *Духовное возвращение В. Печерина на родину*, [электронный ресурс], <http://www.odinblago.ru/path/47/3>, [16.07.2012].

¹⁰ А.И. Герцен, *Былое и думы*, [в:] А.И. Герцен, *Полное...*, с. 400.

Печерин видит в подобном возведении в фетиш науки одну из причин трагической судьбы России.

Она понимает цивилизацию именно так, – обращается он к своему корреспонденту, – как вы ее понимаете. Материальная наука всегда составляла ее силу. Но мы, верующие в бессмертную душу и в будущий мир, какое нам дело в этой цивилизации настоящей минуты? Россия никогда не будет меня иметь своим подданным¹¹.

В этих рассуждениях – косвенный упрек Герцену в «недостатке» веры, недооценке духовной природы человека. В чем-то Печерин был, очевидно, прав. В суждениях Герцена о религии ведущим оказывается аналитический, исследовательский, научный дискурс, уступая место его художественному мастерству лишь в создании портретов конкретных людей, но не в обрисовке его собственного духовного поиска. Весь этот комплекс проблем, который возникает в творчестве Герцена: нравственных, философских, социально-общественных, историсофских, др., всегда включает в себя религиозный смысл. Однако этот смысл остается для Герцена тайной, доступной его уму, но, очевидно, закрытой для его сердца.

Герцен отвечал Печерину вежливо-лаконичным письмом, не приводя каких-то развернутых возражений и лишь коротко упоминая, что был неточно понят своим корреспондентом. В любом случае сам факт публикации писем Печерина свидетельствует о внимании Герцена к словам оппонента, несомненно, важным для него, как и сама встреча с этим русским католическим священником.

---

¹¹ Там же.

SUMMARY**A. I. Herzen about Catholicism: philosophical – journalistic and autobiographical discourses**

Herzen's attitude to religion, faith, and church proves to be difficult, and quite often contradictory. This, as well, applies to his attitude to the Christian confessions. Herzen's assessment of Catholicism (and also the Orthodoxy) is quite detached and appears in the context of philosophical-journalistic discussions (scientific works, and articles) or in his diaries and memoirs. The first type of discourse, as a rule, gives a critical pathos of Herzen's opinion about Catholicism; the second one is more sympathetic. The diaries show this through the attempt to explain the sense of Occidental and Eastern Christianity for the author himself; *My Past and Thoughts* shows it in the portraits of two famous representatives of the Russian intelligentsia, whose beliefs and fates were connected with Catholicism: P. Chaadaev and V. Pecherin.